



ПОЛЕМИКА

ПОДПИСКА НА ГАЗЕТУ
"ДЕНЬ ЛИТЕРАТУРЫ"
ОБЪЕДИНЕННЫЙ КАТАЛОГ
"ГАЗЕТЫ И ЖУРНАЛЫ РОССИИ..."
ИНДЕКС: 26260.
INTERNET: denlit.ru

О книге Владимира Бондаренко "Иосиф Бродский. Русский поэт"

В иной стране – прости! –
в ином столетии
ты имя вдруг мое
шепнешь беззлобно,
и я в могиле торопливо вздрогну...
Иосиф Бродский

Вот мы и стали жить в иной стране, в новом столетии. Эти лирические строки обращены не к бродсковцам, которых становится все больше, но хотелось бы, чтобы все упоминали имена подлинных поэтов если не с придыханием, то беззлобно. А не так, как к удивлению многих, отозвался на книгу Владимира Бондаренко мастер на все руки Дмитрий Быков:

"Не зря новую книгу о Бродском в ЖЗЛ написал Владимир Бондаренко, это одна из самых антипатриотичных мне фигур в современной российской словесности. Он увидел в Бродском имперского поэта. Конечно, Бродский не в ответе за Бондаренко. Но сочетание агрессии и мизантропии в поэтической стратегии Бродского меня отталкивает".

То есть мизантроп Бродский "сам виноват", как говорят дети во дворах. Но удивительно, что книга получила изрядную порцию злободневной критики и от тех, кому Бондаренко не так антипатриотичен (довольно странный подход в критических спорах, неведомый прежде) – от многих критиков не только либерального, но и патриотического лагеря.

Например, с пространной статьёй в "Российском писателе" выступил Владимир Бушин, который недоумевает: "В Бондаренко сообщает, что "поэзе (уже в "мировой культуре" или как пропуск в неё? – В.Б.) у Бродского было всё – эмиграция, ёрнические стихи о России, выпады против христианства, попытки уйти из русской культуры в американскую...". Не хило, правда? И каков вывод? "Он так и остался великим русским поэтом". При всём ёрничестве о родине. Хоть стой, хоть падай...".

Но я падаю не буду, а как автор книги о Бродском, вышедшей раньше в издательстве "Алгоритм", хочу вкратце в этот спор – и литературный, и мировоззренческий. До сих пор не могу понять, зачем сам-то взялся за книгу, которую назвал "Полтора кота" (так Ахматова звала Иосифа), а потом с издательством решили назвать просто "Иосиф Бродский. Вечный жид". Молодой редактор – поклонник Бродского, начал править аннотацию, кромсая моё предисловие (тоже нечто новенькое – напихав свою книгу), а потом отказался её редактировать.

В последний момент название изменили: "Вечный скиталец". Такая глава есть и в книге Бондаренко, хотя эта важнейшая глава тоже называлась "Вечный жид". Что-то побавляется издатели этого библейского образа, никакого отношения даже к национальности не имеющего, не то что к антисемитизму. Кстати, никого не задела книга Владимира Соловьёва (не телеведущего) с названием "Два шедвера о Бродском. Три еврея. Post mortem". Но это так – отступление. Я знаю главный побудительный мотив Бондаренко, о котором мы говорили ещё в давней литературной молодости. И тогда кипели литературно-политические споры с национальной оттенком. И вот как-то в редакции "Литературной России" после очередного спора мы единодушно с Володей решили, что будем по мере сил числить и отстаивать в русском стане, в патриотической поэзии Ахматову, Пастернака, Мандельштама, Ходасевича (далее по списку).

Это касалось и дальнейших персон. Да, они – от Тарковского до Слуцкого – прежде всего русские поэты по Языку и Судьбе! Потом ему чести пеньяли – "заигрывает", "продается", "хочет и нашим, и вашим". Это мы слышим и после выхода книги о Бродском – темпе-

раментной, излишне горячей, на мой взгляд, по части имперскости и русскости Бродского: обоймы эпитетов, образов, главы в лоб называются "Бунт за русскость", "Бунт за народ". (Кстати, бывает ли бунт "за" или только "против"?). Так почему же такое неприятие, особенно либералами, еврейскими критиками?

Отчего они, например, проглатывали все домыслы Соловьёва и Волкова или соглашались с диким заявлением Валентины Полухиной "Бродский – это Пушкин XX века!". Ведь Пушкин – государственный имперец, певец русского оружия и победы над Польшей, которую так любил Бродский? Вообще По-



Александр БОБРОВ

Опыт борьбы с удушьем

лухина, на которую ссылается и Бондаренко – типичный бродсковед. На сайте "Зарубежные задворки" написано: "Валентина Полухина, профессор русской литературы Кильского университета (Англия) родилась в Сибири, в несуществующей больше деревне Утлюк, Кемеровской области. Предки Полухиной по матери были посланы в Сибирь за участие в польском восстании 1863 года. Отец был раскулачен и часто повторял: "Доченька, если выживешь, беги на запад, как можно дальше отсюда". И она побежала: после МГУ (какие возможности для детей раскулаченных!) поехала в Англию. Теперь запросто читает лекции вроде "Бродский и Данте", говорит категорично: "Бродский заставлял горизонт. Его не обойти. Ему надо либо подчиниться, либо подражать, либо отринуть его, либо впитать в себя и избавиться от него с благодарностью", но такая дамская категоричность (многие обходят, не сплуткувшись!) никого не смущает.

В чём же дело? Ну, во-первых, как сказал Быков, в фигуре самого Бондаренко, а, во-вторых, в том, что весомый итог его многолетнего труда сделал самое главное: просто поставил Бродского в РЯД СЛАВНЫХ РУССКИХ ПОЭТОВ, где можно никому не подчиняться и не подражать.

Читайте и определяйте сами его место и значение! Понимайте, прежде в литрине само собой разумеется: свои Иосю возносят до небес и делают кумира, неким исключением из всей отечественной литературы (такой поэт не должен был родиться в СССР – частая мысль), а запасные патриоты утверждали: нет такого русского поэта – это чистая политика, обман и еврейские игры. Хотя изрядная доля истины в последнем утверждении была. Например, Людмила Штерн, которая тоже переселилась в США, издала книгу воспоминаний "Ося, Иосиф, Joseph" с такими штучками: "Иногда он раздражался, что я его опекаю, как еврейская мама, даю непрошенные советы и позволяю себе осуждать некоторые поступки", а дальше идёт знаменательная фраза: "...Но мы были из его стаи, то есть, "абсолютно свои"...". Вот это "из его стаи" тоже, помню, задело меня в ЦДЛе – всё-таки "свои из стаи" или Пушкин XX века? – и отчасти подвигло написать книгу, разобравшись.

Ужасное впечатление произвёл на меня тогда же фильм "Полтора комнаты", обсуждавшийся в программе Александра Гордона, (кстати, в книге Бондаренко есть глава "Полтора комнаты" – честный биографический рассказ без выдумок!). Более антибродского фильма не снял бы и заклятый враг поэта. Мать в исполнении Алисы Фрейндлих – Маса, как зовут её в фильме (так же зовут кошку моего внука), причетаивает: "Ты прости, Иосю, но мы никогда не понимали твоих стихов". То же самое могут повторить все герои и создатели ленты. После про-

смотря фильма на обсуждении хотелось защищать Бродского – от расхожих штампов, бытового мусора, от называемого 5-го пункта, наконец!

Кстати, всё время под него подводятся теории. Так, публицистка, живущая в Германии, представительница уже "третьей волны" эмиграции, Соня Марголина, которая, кстати, предсказывает, что "тогда и гляди рухнет европейский мегапроект", говорит: "Еврей – не фантастическая выдумка. Его самосознание начинается с ощущения "отличности". Оно коренится в традиции избранныости, которая, потеряв религиозную непосредственность, реализуется в мирской форме чувства превосходства и нарциссизма".

Превосходства талантливейшего поэта Бродского над посредственностями и доказывать не надо, а уж нарциссизм разлит во многих произведениях Бродского, особенно в интервью

ский о том лицемерно говорил: "Вот 24 мая – надо спокойно понимать, что родились два гения, надо равно воспринимать "Тихий Дон" и "Рождественский романс" Бродского".

Но позвольте: равно воспринимать может только тот, кто ничего не смыслит в русской литературе и истории, в самой поэзии, наконец. Я лично, как сын Замоскворечья, никогда не мог без содрогания читать эти строки: *Плывет в тоске необъяснимой пчелиный ход сомнамбул, пьяниц. В ночной столице фотоснимок печально стоил иностранец, и выезжает на Орбынку такси с большими седоками, и мертвецы стоят в обнимку с особняками.*

Какие мертвецы на одной из самых живых и теплых улиц, столь любимой Ахматовой? Что в этом скучном стихо-

"Отрок" большую статью, которую Бондаренко цитирует, включая и эту не самую поэтичную метафору: "Ещё Бродский напорист. Он вгрызается в языковую ткань с упорством голодной мыши, вгрызающейся в сыр. Поэт любил повторять слова У.Одена о том, что поэты – это органы существования речи. Через поэтов язык жив, и язык сам, как некое личное живое существо, выговаривает прачужие в нём идеи". Но разве в идеях дело? Мы так и зовем Пушкина забудем, что поэзия должна быть глуповата, в русской поэзии "песня зреть" без вгрызания. Ткачёв восторженно пишет:

"...Я с жадностью читал стихи, тем более что многое в них было написано и даже озаглавлено как назидание. Многие я помню до сих пор, как, например, вот это:
Гражданин второсортной эпохи, гордо признаю я товаром

второго сорта свои лучшие мысли, и дням грядущим я дарю их как опыт борьбы с удушьем.

Кто не задыхался, пусть проходит мимо, насвистывая плугер..."

Ну, не прихожу в восторг от приведенной строфы, несмотря на самоуничижение паче гордости, лишь ревниво не могу понять, почему второсортной (Бондаренко уверяет, что Бродский ценит и защищал советскую эпоху?), любой образный эпитет готов принять, но это...

Тем более странно слышать от того, кто в нынешнюю, действительно страшную эпоху чуть было физически не был удушен нацистами! Кстати, и запомнить наизусть подобные строки не могу, хоть убей, как и шлягеры современные. Но отец Андрей в книге продолжает сравнение: "Он, словно кит, пропущающий сквозь себя десятки тонн воды ради планктона, пропускает через мозг и сердце речь, и благодарная река шифруется в шедверы".

Что я могу поделать? и грызущую мышь представляю, и с некоторым трудом кита (люблю чудовато рыбу кит у Петра Ершова), а вот шедверов почти не вижу – больше планктон зашифрованный.

Начал специально как филолог уже, а не любитель русской поэзии, помнящий сотни строк, перечитывающий книгу Бондаренко "поцитатно" – те странички, где он приводит стихи не как отсылки к событиям и доказательствам, не как иллюстрации к собственным публицистическим рассуждениям, а просто – как перлы поэзии.

И снова – разочарование: ну, не смог меня автор переубедить – не русская эта поэзия в своём парении при всём обилии определений и глав с прилагательным "русский". Автор пишет: "Вообще, вся его поэзия, особенно поздняя, напоминает письма, упакованные в бутылки и брошенные в открытое море, куда-то – неизвестно куда и неизвестно куда – обязательно доплывут". Ну, доплывут и что поведуют потомкам?

Я честно плыл, но попался риф, И он насквозь прополз мне боком. Я пальцы смочил,

но Финский залив Тут оказался весьма глубок...

Цитата издевательски обрывается, но что заключено в этом послании? Да, залив бывает глубокий, а бывает мелкая впадина зависимости от смоченных пальцев. И что? Ей Богу не могу воспринять...

Я не хочу множить эти примеры, завершу ещё одной цитатой: "В одном из последних стихотворений он писал с предельной откровенностью:

...И если за скорость света не ждётся спасибо, То общего, может, небытия броня Ценит попытку

её превращенья в сито, И за отверствие поблагодарит меня.

Поэзия становится прозой, но для прозы – нет динамичного сюжета, нет героев, нет конфликта".

Бить может, это спорно – мне нравится и поздний Бродский, и эта его нарочитая бесконечность напоминает морскую стихию, однообразную и сменяющую горизонт. В это место своя неизъяснимая прелесть.

Единственное замечание по поводу работы Бондаренко: не очень ясно, отчего повторы одной и той же мысли встречаются там по три раза в одной главе – может, стоило избавиться от этих повторов? Но за исключением этих, по сути маловажных деталей, мы видим перед собой отличную работу.

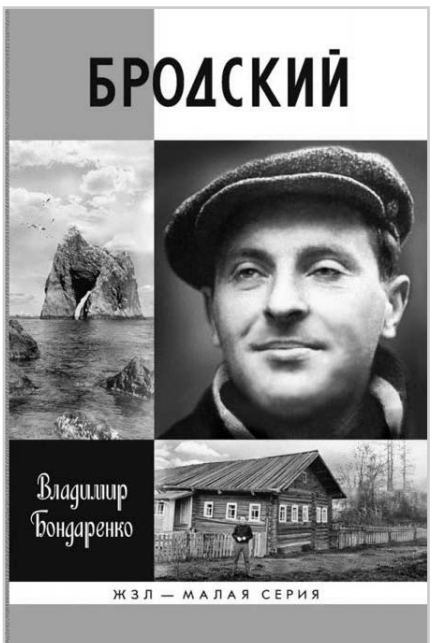
"Каждый Генрих Шлиман находит свою Трою", – пишет Бондаренко. Он Трою нашёл. Теперь уже не зароешь. ...Ах, да, мы ничего не сказали про стихи Бродского на отделение Украины. Это, конечно, не вывих сознания великого поэта, как в дикой обиде теперь смотрят на это люди, именем Бродского до сих пор клявшиеся и божившиеся.

Это прямое следствие всего его пути. Ваш Иосиф не предал вас. Он просто никогда не был с вами.

А "Пятая годовщина" его – ну, что, отличные стихи. Я их готов вслух прочитать на любом патриотическом собрании. А вот вы "Оду на отделение..." вслух читать не сможете, голова взорвется.

Бюст Иосифа Бродского работы скульптора Аделя Халуллила (Казань)

творении, посвящённом Евгению Рейну, может привлечь Архангельского? Ну, всё по своему духу, стилистике – не про Москву, с каким-то корабликом



"из Александровского сада", не про славно Замоскворечье, даже не про Рейна! Но это демонстративно ставится на одну доску с народной эпопеей. Вот и человек совершенно другого круга – Захар Прилепин, отмечая книгу Бондаренко, пишет: "Мы мало думали о Бродском, блестяще описавшем и предсказавшем тот чудовищный хаос, что воцарился в России после развала Союза".

Иначе – верх возьмут тепелаты, Буддисты, спириты, препараты, Фрейдисты, неврологи, психопаты...

Чего тут блестящего? – инвентарная книга, скажу, а не поэзия.

В книге присутствует бывший настоятель киевского храма прп. Агапита Печерского – скромной деревянной церкви в микрорайоне у метро "Берестейская" протоиерей Андрей Ткачев. Прихожанином храма и поклонником книг батюшки является мой армейский друг Вадим, который, помню, выкидывая пачку листовок из почтового ящика, ворчал: "Завалил этот Бродский своими приглашениями и бумагами". Оказывается, поклонник поэта Бродского протоиерей Ткачев, пострадавший за проповедь против майдана, по иронии судьбы окормлял тот округ, где депутатом горсовета является... скандальный Михаил Бродский. Он ведь, как и Бондаренко, писал о еврейском местечке Броды в Галиции, откуда пошла эта фамилия.

Но ещё отец Андрей, уехавший из Киева в Россию, написал в журнале

Бондаренко нашёл храм, в котором, скорее всего, был крещён Бродский. Выяснил, кто совершил обряд крещения (о. Павел Орский), и предположил, что крестной Бродского была записана его няня Груня.

Бондаренко анализирует Бродского как глубоко христианского поэта. Подробно останавливается на русофильских, "народных" стихах Бродского. Его откровенно консервативных предпочтениях в поэзии. Отмечает со-

Захар ПРИЛЕПИН

Я памятник ему открыл нерукомворный

чество повело себя подло и глупо, не разрешив родителям Бродского съез-



дить повидать к сыну. Но главные темы, его интересующие, конечно же, несколько иные.

звучие стихов Рубцова (в "Я буду скакать по холмам задремавшей отчизны") и Бродского ("Ты поскачешь во мрак, по бескрайним холодным холмам..."). Приводит его интервью, где Бродский говорит составителю избранной антологии русской поэзии прошлого века: "Если... в антологию... будет включена "Погорельщина" Клюева или, скажем, стихи Горьковского – то "Бабыню яру" там делать нечего...".

Становится ясно, какой огромный объём работы здесь ещё предстоит сделать: Бондаренко намечает пути, по которым стоит двигаться.

Он пишет о беспорочном: Бродский бродил меж трёх империй – российской, американской, римской, и, по сути, был поэтом имперских пространств, имперских масштабов. Чеслав Милош, напоминает Бондаренко, писал о Бродском: "Империя – одна из словесных дерзостей Бродского. Римские завоевания не именовались "освободительными" или "антиколониальными". Они были не чем иным, как торжеством силы... То, что их страна является империей может быть для русских источником гордости... это неоспоримая реальность. Империя для Бродского означает так же сами размеры континента, монументальность как таковую, к чему он питает слабость".

В свете того, что российские прогрессисты последний год (на самом деле, последние 25 лет, если не больше), как заведенные повторяют, что надо скорее с русской империей рас-

ставаться, ибо это фи, моветон – мы выходим на ту ступень, когда приходишь выбирать – ты с Бродским или с этими ребятами. Исключительно стилистический, но какой важный выбор.

То, что распад СССР не принёс Бродскому радости – это не предположение, а факт.

"Империя жалко" – сказал Бродский Андрею Вознесенскому однажды. С Вознесенским они ведь никогда не общались, Бродский, признаться, терпеть его не мог: Но распад русской империи в каком-то смысле сделал

национальных поэтов сиротами – это их примирило.

Соглашаясь с тем, что по своим взглядам Бродский, безусловно, западник, Бондаренко разумно сравнивает его с Герценом – который для Маркса был столь же безусловным русским мракобесом.

Мы слишком мало знаем о Бродском, который бросил по поводу припадочной русофобии Милана Кундера: "Кундера – это было. Глупое чешское быдло".

Никто всерьёз не задумался, почему Бродский назвал роман Анатолия Рыбакова "Дети Арбата" – который в конце 90-х был одним из мировых бестселлеров – "макулатурой".

Мы мало думали о Бродском, блестяще описавшем и предсказавшем тот чудовищный хаос, что воцарился в России после развала Союза:

Иначе – верх возьмут тепелаты, Буддисты, спириты, препараты, Фрейдисты, неврологи, психопаты, кайф, состояние зифорини, диктовать нам будет свои законы. Наркоманы повесят себе погоню. Шприц повесит вместо иконы Спасителя и Святой Марш...

Отдельная и немаловажная тема: любовь Бродского к двум русским женщинам – Бондаренко пишет и об этом.

Я думаю, здесь и заключалось величие его замысла, сила его честолюбия...". Меня просто охватывает отчаяние: Володя, неужели я ничего не вижу величия за этими тяжёлыми, смутными строками. От кого надо ждать спасибо за скорость света (?), почему вообще броня небытия должна превратиться в сито с ещё одним отверстием от Бродского? Постоянное цитирование подобных бескрылых и угловатых строк приводит самого стилиста Бондаренко к сумноному канцеляриту: "Предпочтением воды другим стихиям является одной из причин внимания Бродского к морю:
Что на вершину постометреть, что в корень – Почувствуешь головокруженье, рвету; И я предпочитаю воду..."

И тут же идёт блестящий кусочек из эссе "Набережная неисцелимых", где Бродский пишет: "В любом случае я всегда считал, что раз Дух Божий носился над водою, вода должна была его отражать. Отсюда моя слабость к воде, к её складкам, морщинам, ряби и – поскольку я северянин – к её серости".

Просто и сильно! Может, правы те, кто утверждает, что Нобелевскую премию дали Бродскому не за стихи, а за эссе – формулировка-то, в отличие от шолоховской – туманная?

Самое поразительное: я бывал, и теперь режу, но бываю, в разных компаниях творческих людей, не только поэтов. Никогда, нигде – клянусь! – я не слышал, чтобы читали вслух и наизусть Бродского, кроме как "На Васильевский остров...".

Например, воскликнули бы пафосно: "Я дарю их как опыт борьбы с удушьем". Ну, может, не с теми сижу. А вот Буковский на днях, на крутом берегу Клязьмы, мы читали наперебой любовные стихи Владимира Соколова – спонтанно, для приглянувшихся женщин.

И никогда бы в голову мне не пришло прочитать им нравящиеся мне своей какой-то маркетинговой расчётливостью строки Бродского:

Приехать к морю в несезон, Помню матерьяльных выгод, Имеет тот ещё резон, Что это временный, но выход...

Казалось бы, безвыходное положение: я высоко оцениваю серьёзную книгу, многое поставившую на место и потому вызвавшую громкие споры, но не воспринимаю душой (а то и разумно) её поэтическую основу. Считаю: нормальные явления для филолога и поэта, который понимает, что литература шире наших субъективных пристрастий. Своим студентам-журналистам в Московском государственном институте культуры читаю курс "Сценарное мастерство" для заочников и даю первую экзаменное задание: написать сценарий клипа по двум стихотворениям на выбор – Николая Рубцова "Я буду скакать по холмам задремавшей отчизны" или Иосифа Бродского "Ты поскачешь во мрак по бескрайним холодным холмам".

За три потока выявлялся любопытная закономерность: все, кто уже отработав современным ТВ (многие же работают) и судит поцинично, все нерусские москвичи (питерцы имеют свой Университет культуры) и, напротив, пыжющиеся провинциалы – выбирают Бродского; все, что ещё не привыв выпендриваться и верит в высокое предназначение журналиста, кто обладает более органичным творческим потенциалом, выбирают Рубцова.

Тех и других – почти поровну, я не даваю и о пристрастиях своих не говорю, но работы по стихам Рубцова – обрзазне, внятнее и ярче. Такова объективности! И в нашей реальности книга Владимира Бондаренко очень нужна, как выношенное слово правды, как опыт борьбы с удушьем, и впрямь охватившем сегодня Россию.

Тимур ЗУЛЬФИКАРОВ ГЕФСИМАНСКИЙ САД

...В 2000 году я посетил Гефсиманский Сад... Там, под древней оливой, спал человек...
...Когда говорят: "Гефсиманский Сад", Я, словно мтаденец, рыдаю...

Апостолы!.. Други Христа!.. А ведь с Вами был Бог!.. Ваш Собрат!..

И что? Как же сон Вас сморил?.. Как похоти-пауги древней Вы тело и душу отдали?..

...Они улыбаются нежно, свежо, Через двадцать столетий, Чрез ветви беззвонных, бездонных олив:

...Мы были слабы... Мы был тогда... рыбаки... рыбаки... Мы стали Апостолы – позже...

Когда Нас казнили... И львами травили, И псами пытали, терзали... И тиграми валили... И вниз головой на Крестах распинали...

...Когда говорят: "Гефсиманский Сад", То скалятся львы... Лают псы... И тиграми визжат...

И падают вниз головою, Как срезанный колокол, Распятый Апостол с Креста...

...Когда говорят: "Гефсиманский Сад"...

13 июля 2015 г. Кишлак Зимуруд, жаркий сад на горе напомнил мне Гефсиманский Сад...

С 79-м Днём рождения, некруглым, но близким к этому, поздравляем талантливейшего поэта и друга нашей редакции! Здоровья и радости творчества!